

2.7.96.

Моисеев Игорь Александрович

Игорь МОИСЕЕВ:

Не спешите стать простой кувалдой

Игорь Александрович Моисеев — патриарх отечественной хореографии. Родившись в 1906 году, он стал очевидцем всех потрясений нашего столетия. Слава созданного им Ансамбля народного танца огромна, впрочем, как и талант самого Моисеева. О многом говорят строки из французской газеты "Ле паризьен": "Если концерты моисеевского балета не заставляют вас аплодировать, неистовствовать, топтать ногами от удовольствия, значит, вы не совсем нормальны". Выпущенная к девяностолетию мэтра книга воспоминаний переводится сейчас на немецкий, английский, французский.

Наша беседа состоялась в рабочем кабинете Моисеева. Игорь Александрович первым делом спросил помощника, готов ли зал для занятий. Признаться, я был удивлен решимостью хореографа проводить разминку. Наверное, прочитав немой вопрос на моем лице, Моисеев улыбнулся:

— Многих удивляет, что и в девяносто лет можно преподавать танцы. А я, когда ребята жалуются, что заданное движение невозможно выполнить, встаю и делаю его сам. Вообще на эту те-

му я даже написал стихотворение:

Если старость держит
вас за фалды
и мешает мчаться
и лететь,
Не спешите стать
простой кувалдой,
Плотно ешьте, ленитесь
и толстеть...
Старость в силах мы
отодвигать,
Научитесь
преодолевать.
Волю только надо
проявить —
Молодость сумеете
продлить.

Концерт прошел успешно.

— Игорь Александрович, а кроме стихотворения, как-нибудь учите молодежь искусству держать себя в руках?

— Никаких инструкций не даю. Просто пытаюсь открывать глаза на очевидные вещи. Те, кто к советам не прислушивается, раньше становятся дряхлыми и вынуждены уходить на пенсию.

— Любопытно, что же это за очевидные вещи?

— Есть святая истина, которую несколько тысяч лет назад выразил Конфуций: "Все хорошо в меру". Я вообще враг всяких запретов. Важно понимать, что время молодости, когда все сходит с рук, пройдет и обязательно придется платить по счетам. Так устроена жизнь. За каждый правильный шаг она тебя награждает, а за ошибки соответственно наказывает. Никому тут никаких преимуществ нет. Наша жизнь состоит из того, что мы в нее вкладываем. И больше, чем ты в нее вложил, получить невозможно.

— Да вы философ прямо! Увлекаетесь философией?

— Нет, просто все это — закон здравого смысла. Он должен быть понятен каждому. Не надо возмущаться пустотой кармана, если ты сам в него ничего не положишь. Вот и вся философия.

— Говорят, что раньше мастерство ваших танцо-

ров использовалось в дипломатических целях. Например, ансамбль направляли в страну, с которой были прохладные отношения, и "лед" слегка таял...

— Да, это было раньше. А теперь гастроль — прежде всего возможность заработать. Самое страшное, что мы не в состоянии заработать деньги в своей стране. Любой большой коллектив сможет прокормить себя только в том случае, если будет работать непрерывно и на разных сценах. Выступать каждый день, к примеру, в Москве такому коллективу, как наш, просто невозможно. А директора провинциальных площадок при всем желании не в состоянии покрыть расходы, связанные с нашим приездом. Представьте — оплатить дорогу, гостиницу, выдать суточные ансамблю, в котором свыше ста человек. Так что гастроли в глубинку отпадают. Единственное спасение — поездка за границу, где платят в 50—60 раз больше, чем здесь. Пробыв месяц в зарубежной гастроль, мы можем еще месяца три существовать по инерции.

— Не думаете переходить на контрактную систему, как это начали делать в Большом театре?

— Я был бы счастлив, если бы подобную систему можно было бы ввести и у нас. Но этому противится профсоюзное законодательство. Для Большого театра было сделано исключение. Мечтаю, чтобы подобное исключение сделали и для нас. Ведь сейчас люди просто перестают работать. Убежден, что заставить трудить-

ся может либо приличный заработок, либо страх, что с тобой не заключат контракт. Ни того, ни другого мы сейчас не имеем.

— Игорь Александрович, на ваших глазах прошли становление и закат государства, называемого Советским Союзом. В чем причина гибели системы?

— Я думаю, главное — это уход духовности. Поведение человека должно незримо диктоваться совестью. Сегодня полностью отсутствует мораль. Если можно безнаказанно врать, воровать, убивать, заниматься демагогией — какая уж тут мораль? Человек перестает отвечать за свои поступки — совесть-то молчит. Только она — единственный и неподкупный контролер. При ее отсутствии человек превращается в свою противоположность. Считаю, что наше государство распалось не год и не два, а все семьдесят лет. Сегодня мы лишь пожинаем итоги.

— Вы так взволнованно говорите об этом...

— А как же?! Я не могу жить в башне из слоновой кости. Все, что происходит за окном, отражается на каждом человеке, в большей или меньшей степени. Иначе быть не может. Это как воздух, которым мы дышим. Мы можем не замечать, что он становится с каждым днем грязнее и грязнее. Но в конечном счете это скажется на

бота человека не то что унижает, она его губит.

— Вы были знакомы со Сталиным?

— Встречался на приемах. Трудно объяснить чувство, которое испытывал. Положение Сталина было так необычно, он был так приподнят над всеми, что само его появление рядом с человеком расценивалось как явление. Тут был и страх, и ответственность, и радость — чего уж там. Наш коллектив Сталин любил, нас приглашали на все банкеты и приемы. Но сам я никогда не стремился попасть в число приближенных, хотя возможность для этого предоставлялась не раз. Я действовал по принципу: поближе к кухне, подальше от начальства.

— Удалось?

— Где-то да, а где-то и нет. Важно, что я был готов к испытаниям, которые могли выпасть на мою долю. Помню, возвращался из Кисловодска. Вдруг в поезд входят чекисты, забирают меня "с вещами" и сажают в машину. Что оставалось думать — дело-то происходило в тридцать девятом. Слава Богу, потом оказалось, что Берия всего-навсего решил поручить мне подготовку физкультурного парада. Но чекисты ведь не могли просто пригласить и сказать об этом, им надо было лишний раз показать, кто в стране хозяин.

Или случай с военным билетом. У меня, как у сына дворянина, его изъяли, сказав, что я, мол, недостойн защищать Родину. Без военного билета по тем временам человек становился кандидатом в лагеря. Помогло, как ни странно, мое увлечение шахматами. Партнер по игре, который заведовал военным столом Большого театра, предложил написать заявление о якобы утере военного билета. Что я, естественно, и сделал. Не знаю как, но товарищу удалось выправить мне новый документ. Благодаря ему я и остался на свободе.

— Вы с тех пор не расстаетесь с шахматами? Вот и сейчас на вашем столе доска с неоконченной партией...

— Это помогает разрядиться. Играя в шахматы, я отключаюсь, экономлю нервные клетки. Еще люблю читать. Дома собрал богатейшую библиотеку — свыше пяти тысяч томов по искусству. Не выходя из собственного кабинета, могу совершить путешествие в любой музей мира.

— Игорь Александрович, а почему ваш внук учится в школе Большого театра? Вы не захотели взять его в свой коллектив?

— Такое решение приняла его мать. Но он хорошо устроился, на хорошем счету. И потом, ведь Большой театр — это всегда Большой театр.

Ну уж правнука, наверное, все-таки возьмете в ансамбль?

— Ему сейчас всего десять лет. Время покажет. Возможно, станет танцором, а может, и нет. В этой жизни каждый должен сам прокладывать свою дорогу.

— Вам удалось достичь всего, о чем мечтали?

— Что вы! Все время такое ощущение, что еще не все сделано. Что-то надо закончить, а за что-то еще и не принимался. Планов много, и отдыхать пока не приходится.

Встречался
Игорь ИЗГАРШЕВ.

Фото
Виктора СМОЛЫАНИНОВА
и Николая МАЛЫШЕВА
(ИТАР-ТАСС).

Звезда клуб. - 1996. - 2 июля. - с. 7.

Клубные встречи